

Идеология толерантности: школа жизни с непохожими людьми

Нет человека, что был бы сам по себе, как остров;
каждый живущий – часть континента;
и если море смоет утес, не станет ли меньше вся Европа
– на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом.
Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я *един со всем человечеством*.
А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол:
он звонит и по тебе.

Джон Дон

В

ек от века, тысячелетие от тысячелетия человечество проходит великое испытание – *испытание человечностью*. Оно хорошо знает понятие «род», но забывает о внешне антропологически схожем понятии «родство». И в величайших этических учениях человечества родственные узы связывают нас с разнообразием самых разных форм жизни на нашей планете.

Освоим ли мы когда-нибудь формулу, связывающую все живое: мы с вами одной крови, Вы и Я? Сумеет ли мы стать не только братьями по крови, но и братьями по духу? Сможет ли Земля, разделенная разными религиозными, этническими, мировоззренческими «квартирами», заслужить имя *общего дома*? Все это не абстрактные вопросы развлекающегося играми ума, а вопросы совместного бытия, солидарности разных людей в мире нарастающего разнообразия. От ответа на эти вопросы зависит «быть или не быть» человечеству как «единству разнообразия».

Для ответа на этот гамлетовский вопрос напряжем свою историческую память и вспомним, что человечество во все времена, стараясь стать человеческим,

вместо человеколюбия, человекопрятия, человекопонимания наталкивалось на чудовищные проявления человекофобии – агрессию, ксенофобию, фанатизм, национализм и экстремизм.

Обратимся к лаконичной исторической хронике проявления человекофобии, национальной нетерпимости и фанатизма. Вопреки утверждению «Сова Минервы вылетает в сумерки» (Гегель) демоны ксенофобии появляются в истории человечества и ночью и днем, хотя высказывание о том, что темные дела делаются в темноте, имеют свои весомые исторические подтверждения.

Знаменитый призыв и выкрики обезумевшей толпы во время правления Нерона: «Христианин? – Ко львам!» является одним из ярких символов межрелигиозных конфликтов. Человечество привыкло, навязывая друг другу «святую» веру, каждый раз разрушать мир до основания, разделяя людей на верящих и неверящих, верных и неверных, наших и не наших, своих и чужих, местных и не местных, пролетариев и капиталистов, Север и Юг, Запад и Восток, которым вместе не сойтись никогда.

Пиками борьбы за веру стали изменившие историю Средних веков крестовые походы. Навсегда в памяти человечества останется и ночь резни

24 августа 1572 г., названная Варфоломеевской ночью. Вначале Париж, а затем и другие регионы Франции были усеяны трупами гугенотов, уничтожаемых католиками по всей стране.

Началом Холокоста – узаконенного геноцида целой нации, уничтожения людей только за то, что они *иные, другие, не похожие*, стала «хрустальная ночь» в 1938 г. в Германии. Более 6 млн евреев были уничтожены, сожжены, замучены в лагерях смерти лишь потому, что они – иные, поборниками ксенофобской фашистской идеологии Третьего рейха.

И сегодня было бы наивно думать, что фанатики живут только в прошлом, появляются в облике инквизиторов, сжигающих Джордано Бруно и устраивающих «охоту на ведьм», или идущих с факелами в руках по улицам Америки в белых одеяниях колонн ку-клукс-клана. Они, увы, не достояние истории ночей резни, кровавых погромов и геноцидов прошлого. Они – рядом. Они – здесь. Они – среди нас.

Пик ксенофобии XXI в. – 11 сентября 2001 г., уничтожение фундаменталистами тысяч людей в башнях-«близнецах» в Нью-Йорке. XXI в. – волны мигрантофобии, агрессии и этнических конфликтов во Франции, всплески неонацизма в Германии, побудившие лидеров этих стран усомниться в действенности политики мультикультурализма.

Наконец, историческое вчера – 22 июля 2011 г.: на о. Утоя в Норвегии Андерс Брейвик, имевший в отрочестве прозвище Mord (убийство), хладнокровно расстрелял 76 человек ради того, чтобы «спасти» Европу от угрозы марксизма, исламской колонизации и, главное, политики мультикультурализма.

У России же на этом фоне еще свежи в памяти этнические конфликты в Кондопоге и разгул фанатов на Манежке. С болью ко многим политикам приходит запоздалое понимание, что рост фанатизма, вандализма, мигрантофобии, кавказофобии и убийств на национальной почве угрожает целостности Государства Российского и способен под антимигрантскими лозунгами «понаехали тут» разрушить любые социальные и экономические программы развития страны.

В этой социально-политической ситуации я вновь обращаюсь к отстаиваемой

политиками, философами, естествоиспытателями разных времен идеологии толерантности как ключевому дискурсу плюралистического поликультурного поликонфессионального открытого общества. Именно идеология толерантности, в которой *толерантность понимается как универсальная норма поддержки разнообразия в эволюции различных сложных систем, является потенциалом развития многочисленных форм симбиоза, сосуществования, социального и политического взаимодействия, кооперации, взаимопомощи и консолидации различных видов, рас, народов, национальностей, государств, религий и мировоззрений.*

Толерантность как норма поддержки разнообразия и устойчивости разных систем выполняет в историко-эволюционном процессе следующие функции:

а) обеспечение устойчивого развития человека, разных социальных групп и «человечества как единства разнообразия» в изменяющемся мире;

б) подчеркивание ценности каждого человека как индивидуальности, его права «быть иным»;

в) поддержание баланса и существование гармонизации интересов противоборствующих сторон в идеологии, политике, экономике, а также в любых других формах межличностного, социального и политического взаимодействия отдельных личностей, больших и малых социальных групп;

г) обеспечение возможности диалога, переговоров, накопления потенциала солидарности, согласия и доверия различных мировоззрений, религий и культур.

Таким образом, еще раз подчеркну, что в контексте историко-эволюционного подхода к развитию сложных систем *толерантность рассматривается как механизм поддержки и развития разнообразия этих систем, обеспечивающий расширение диапазона возможностей данных систем в различных непредсказуемых ситуациях и их устойчивость.*

В свою очередь, ксенофобия выступает как механизм уменьшения разнообразия систем, отражает тенденцию к развитию систем закрытого типа (авторитарные системы; тоталитарные социальные системы; мировоззренческие

системы, реализующие идеологические установки фундаментализма и фанатизма). Доминирование ксенофобских тенденций приводит к ригидности систем, росту их изоляционизма и сепаратизма, а тем самым и неспособности к изменениям в непредсказуемых ситуациях.

В развитии сложных систем толерантность отражает стратегию взаимопомощи, кооперации, симбиотической эволюции. Ксенофобия же связана, в первую очередь, с пониманием конфликта как монопольной движущей силы эволюции различных систем, основы межвидовой, социальной и классовой борьбы.

Предложенное выше понимание толерантности позволяет увидеть феноменологию толерантности в разных системах координат в биологической эволюции в целом, и прежде всего в процессе антропосоциогенеза как противоречивого пути восхождения человечества к человечности. Оно побуждает понять, что не только конфликт, но и взаимопомощь выступает как мощный движущий фактор историко-эволюционного процесса. И не случайно такие мыслители, как В.И. Вернадский, П.А. Кропоткин, М.А. Ковалевский, П. Тейяр де Шарден, И. Пригожин, У.Р. Эшби, отстаивали идеи взаимопомощи, примирения, солидарности, симбиотической эволюции, прогресса как роста разнообразия систем в мире людей и животных. В философии и этике идеи толерантности связаны прежде всего с такими мыслителями, как Дж. Локк, Ф. Вольтер, Л. Толстой, М. Ганди, А. Швейцер, М. Бахтин, М. Бубер, Я. Корчак; их имена вошли в историю человечества как имена величайших гуманистов.

Как далеки взгляды всех этих мыслителей от тех аналитиков и критиков идеологии толерантности, которые сводят проявления толерантности исключительно к терпимости, мультикультурализму и политкорректности. Я уже не говорю об идеологах человекофобии, у которых сама мысль

о толерантности как угрозе «черно-белому мышлению», разделяющему человечество на «чужих» и «своих», вызывает жгучую аллергию. Они не желают видеть очевидных вещей: *толерантность – это жизнь по формуле рассудка; ксенофобия – жизнь по формуле предрассудка*. Они забывают, что умный рассудит, а глупый осудит. И они стремятся обрядить рассудок в «белые одежды» предрассудка. Подобного рода идеологические подмены и перевертыши стоят за большинством человекофобских нацистских или расистских теоретизирований, обслуживающих идеи превосходства, гегемонии одной социальной группы, нации, расы или класса над другой. В III Рейхе эти идеи кристаллизовались в лозунге чистых арийцев «Германия превыше всего». В России же они поддерживаются идеологами черной сотни, подвергшими забвению слова апостола Павла, что нет для Христа ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни самарянина, ни раба, ни свободного, ибо все они едины. Эти же идеи распространяют люди с «бритоголовыми» мыслями, которые за любой поддержкой непохожих, в том числе мигрантов, видят происки чужеродных космополитов, закулису мирового заговора и носителей «русофобии».

Где бы ни находились люди, одержимые демонами ксенофобии, их мышление и действия стоят на трех китах: *идеологии фундаментализма, психологии фанатизма и технологии терроризма*. Но и они – люди. И если я исхожу из идеологии толерантности как идеологии человечности и антропологии ненасилия, то я не буду посылать их... узнать, по ком звонит колокол, и рискну повторить слова Л.Н. Толстого: «Если бы люди понимали, что они живут не одной своей жизнью, а жизнью всех, то они знали бы, что, делая добро другим, они делают его себе». В этих словах суть идеологии толерантности как школы жизни с непохожими людьми, школы человечности и великодушия.